

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

«ПЯТАЯ КОЛОННА» ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИСТОРИЯ В ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ
И ИНТРИГАХ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
«Пятая колонна»
Древней Руси. История в
предательствах и интригах
Серия «Исторические открытия»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18399483

«Пятая колонна» Древней Руси. История в предательствах: Алгоритм;

Москва; 2016

ISBN 978-5-906817-38-9

Аннотация

Если обратить пристальный взгляд на историю Древней Руси, без труда можно заметить, что и в те времена существовали политические силы, заинтересованные в раздробленности и вечной вражде славянских племен и в слабости русской государственности. Встречались также деятели, которые ради собственной корысти предавали интересы родной земли, сплетая хитроумные заговоры и идя на любые преступления. Стоит вспомнить хотя бы Святополка Окаянного и убийц Андрея Боголюбского, тайных и явных противников Александра Невского и Дмитрия Донского, подрывную деятельность униатов и ересь жидовствующих. Всем этим и многим другим

историческим персонажам и событиям посвящена новая книга Валерия Шамбарова, который счел возможным и оправданным применить к ним термин, возникший в XX веке.

Содержание

От автора	6
Клубок первый	7
Клубок второй	28
Клубок третий	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Валерий Шамбаров
«Пятая колонна»
Древней Руси. История в
предательствах и интригах

© Шамбаров В.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Термин «пятая колонна» родился в 1936 г., в период гражданской войны в Испании. Генерал Мола (по другой версии – генерал Варела) заявил, что наступление на Мадрид ведется четырьмя колоннами, но в самом Мадриде существует пятая, которая в решающий момент ударит в спину защитникам. Это выражение попало в газету «Нью-Йорк Таймс», обрело широкую известность. Словосочетание «пятая колонна» оказалось запоминающимся и эффектным, превратилось в устойчивый фразеологизм. В годы Второй мировой войны «пятой колонной» стали называть сторонников нацистов, действующих в различных странах.

Впоследствии термин приобрел обобщенное значение – некие внутренние силы, сочувствующие и помогающие внешним врагам. Но обычно данное понятие относят к новейшим временам. Хотя такое ограничение оказывается чисто условным. Если рассмотреть историю нашей страны, то и в самом далеком прошлом можно найти фигуры, которые жертвовали интересами своей страны и народа. Ради личных амбиций и выгод подыгрывали чужеземцам и иноверцам. То есть вполне соответствовали понятию «пятой колонны».

Клубок первый

Святополк Окаянный

Предательство существовало среди людей с древнейших времен. Примеры мы можем найти и в Ветхом Завете, и в мифологии разных народов, и в исторических источниках. Люди изменяли своим царям, начальникам, покровителям, родственникам. Бывало и так, что изменяли всему своему народу. Иногда из корыстных соображений – пускай покоряют твоих соплеменников, но лично ты погреешь на этом руки или окажешься в привилегированном положении. Хотя случалось, что изменяли и без всякой корысти. Заражались чужой культурой, обычаями. Считали их более престижными, чем родные, и ради этого перекидывались к иностранцам.

В VI в. до н. э. в Скифии даже один из царей, Скил, увлекся иноземными нравами и модами. Он повадился ездить в греческую колонию Борисфениду. Подолгу оставался жить там, построил себе в городе дворец. Эллинская культура совершенно пленила его, он одевался в греческую одежду, завел жену-гречанку. Открыто заявлял, что образ жизни эллинов для него милее и привлекательнее, чем традиции его народа. Скил изменил и верованиям скифов, приносил жертвы в храмах Борисфениды, участвовал в чужих религиозных

обрядов. Но однажды скифы узнали, что их царь в торжествах Диониса прыгает и беснуется в процессиях вакхантов. Вся страна восстала, Скила свергли и убили.

Впоследствии римская и византийская дипломатия очень хорошо научилась выискивать подходящие кандидатуры среди сарматских, германских, славянских вождей, переманивать их на свою сторону – кого лестью, кого подарками, кого политическими выгодами, обещаниями поддержки. Такими способами неоднократно организовывались заговоры против гуннского царя Атиллы. Император Маврикий в поспехи по воинскому искусству, «Стратегиконе», откровенно поучал, как привлекать к себе и обрабатывать славянских «царьков», ссорить их между собой.

Однако выискивать и разбирать все предательства в отечественной истории было бы, наверное, просто нереально. Мы начнем с периода Киевской Руси. Периода вполне «исторического», достаточно полно освещенного и русскими летописями, и зарубежными хрониками. И первой яркой фигурой, которая попадает в поле нашего внимания, оказывается князь Святополк по прозвищу Окаянный. Впрочем, способности по части измены у него были наследственными. Такие качества проявил уже отец князя, Ярополк.

В 969 г. великий воин и государь Руси Святослав Игоревич отправлялся на Балканы. В Киеве он оставил княжить малолетнего сына Ярополка, в Древлянской земле – Олега, в Новгороде – побочного сына Владимира. Наследником

никто из них не назначался. Великое княжение Святослав оставлял за собой, он лишь намеревался перенести столицу на Дунай. Но в войне с византийцами он понес тяжелые потери. Начались переговоры. С русской стороны их вел воевода Свенельд, с греческой – глава внешнеполитического ведомства епископ Феофил. Был заключен договор, согласно которому русские обязались уйти на родину. Но за это они сохраняли выход к морю, увозили несметные трофеи, греки выплачивали им субсидии, замаскированную дань. Также обязались способствовать, чтобы печенеги, византийские союзники, пропустили Святослава по Днепру.

Реальность стала иной. Тот же епископ Феофил ездил к печенегам и фактически оповестил их – русских осталось мало, они везут несметную добычу. Обрадованные печенеги не скрывали, что обязательно нападут. Сообщать об этом Святославу греки не стали. Ну а русский государь отправил Свенельда с конной дружиной степным путем. Сам плыл на лодках с пешими ратниками – везли раненных, больных, огромные богатства. Начали подниматься по Днепру и обнаружили: возле речных порогов поджидают орды степняков. У поредевших отрядов шансов пробиться не было. Вернулись к устью реки.

Зазимовали на Белобережье – Кинбурнской косе, в рыбачьих землянках. Голодали, бедствовали, умирали. Ждали подмоги из Киева, Свенельд должен был прислать ее.

Но воевода предал. В Киеве сидел князем Ярополк, ему

было 10–11 лет. При мальчишке-князе привыкли хозяйничать бояре, и Святополк легко нашел с ними общий язык. Кстати, можно вспомнить, что главный мастер византийских интриг, епископ Феофил, вел переговоры именно со Свенельдом. А потом поехал к печенегам... Случайное ли совпадение? Нет, не верится в такие случайности.

Ярополка воевода захватил под свое влияние. Каким образом, мы не знаем, но фактически мальчик согласился на переворот. Русские воины бедствовали на Белобережье, умирали от болезней, а помощи не было. По весне, измученные и ослабевшие, решили идти на прорыв. Все еще надеялись, что теперь-то киевляне ударят навстречу, расчистят путь. Нет, не было киевлян. Свенельд и Ярополк не прислали их. А печенеги схитрили. Сделали вид, будто отступили от порогов, а то как бы Святослав не ушел по морю к другим берегам. Но, когда русичи разгрузили ладьи и стали перетаскивать их волоком в обход порогов, налетело вражье воинство. В последней отчаянной рубке сложили головы и сам князь, и все его верные воины.

Ярополк оказался узурпатором, да еще и отцеубийцей. От его имени правили Свенельд и киевская верхушка. Другие сыновья Святослава тоже были еще детьми. Олегу исполнилось лет 9-10, Владимиру и того меньше. Но приставленные к ним бояре киевского правительства не признали. Переворот не одобрило и большинство народа, в его памяти Святослав остался эпическим героем, победителем хазар и греков.

В результате Русь раскололась. Западные и северные земли приняли сторону Олега. Ему подчинился и брат Владимир, то есть новгородцы, чью позицию символизировал Владимир.

Чтобы удержаться, Свенельд искал поддержку среди врагов Руси. Подтолкнул Ярополка заключить союз с печенегами. Князь навёл дружбу с непосредственными убийцами его отца! Да какая разница, если помощь степняков может понадобиться против древлян, новгородцев, против братьев? Альянс с печенегами никак не мог состояться без благословения Византии. Но императора Цимисхия новая власть в Киеве вполне удовлетворяла. А Свенельд предпринимал меры для дальнейшего сближения с Константинополем. Когда Ярополк подрос, временщик женил его якобы на пленной греческой монахиня. Хотя Святослав и Свенельд, заключая мир, возвратили всех пленных византийцам. Смело можно предположить, что монахиня (на Руси её называли Преслава) являлась шпионкой. Она была значительно старше мужа, могла регулировать его. При ней во дворце появились другие греческие соглядатаи.

В 977 г. Свенельд и Ярополк нанесли внезапный удар по соперникам. Брат князя Олег был разгромлен и погиб. Владимир и его дядя Добрыня вынуждены были бежать за море. Но решающей оказалась позиция простого народа. Когда Свенельд умер, Владимир возвратился на родину. Выяснилось, что его ждали. Новгородцы, кривичи, чудь, весь

сразу же приняли его сторону. Потом к нему начали переходить другие племена и города. Поход на Киев в 980 г. обошелся вообще без боев. А Ярополк боялся даже остаться в собственной столице, не доверял подданным. Сбежал в крепость Родню, был осажден.

Приближенный Варяжко советовал Ярополку: «Не ходи, государь, к брату, ты погибнешь. Оставь Русь на время и собери войско в земле печенегов». Как видим, последним верным слугой князя был иноземец, и даже бежать ему было некуда, кроме как к печенегам, навести на Русь кочевников! Но другой советник, Блуд, уговорил князя сдаваться. Он поехал к брату, и поджидавшие в сених наемники-варяги пронзили его мечами.

Казнили его по закону, как соучастника переворота, отцеубийцу, братоубийцу? Уже позже, при Ярославе Мудром, «Русская правда» в первой статье гласила: «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертью». Владимир исполнил закон. А жена Ярополка Преслава в это время была беременной, и победитель включил ее в число своих жен. Это было не извращением, не проявлением похоти, а тоже по закону. Ведь супруга не отвечала за преступления мужа, и государь поступил, как требовало языческое славянское право – брат наследует вдову брата. С гречанкой он не жил как с супругой (она была старше Владимира лет на 12–15), но принял в семью, содержал наравне с другими женами и признал своим ее сына Святополка. На Руси таких

детей называли «сыновьями двух отцов».

Миновало несколько лет, и в 988 г. Св. Равноапостольный великий князь Владимир Святославич утвердил в Киеве христианство. При этом вступил в брак с византийской царевной Анной. Но у него было уже несколько языческих жен и родившихся от них детей. Их требовалось удалить, и государь поступил так же, как его отец: назначил сыновьям уделы. А матерей разослал вместе с детьми. При этом восьмилетнему Святополку и Преславе достался Туров, земля племени дреговичей.

Можно отметить, что государь отнюдь не обидел приемного сына. Его удел был обширным и плодородным, охватывал южную часть Белоруссии. Княжество было куда более благоустроенным, чем глухомань Суздаля или Ростова, в 1006 г. здесь была учреждена самостоятельная епархия. Кроме Турова, во владения Святополка попали города Пинск, Брест. Но рядом со Святополком находилась его мать. Уж она-то теплых чувств к Владимиру никогда не питала. Пока жили в Киеве, приходилось придерживать язык. А в Турове мать и ее окружение обрабатывали Святополка по полной программе.

Что ж, русские умельцы строили чудесные хоромы – светлые, жизнерадостные, украшали их затейливой резьбой. Таким был и туровский дворец. Но наполняли его злоба и ненависть. Святополку вдалбливали, как узурпатор-дядя коварно сверг и убил его отца. Какое блестящее положение он за-

нимал бы при Ярополке – первенец, наследник! Святополку перевалило за 30, однако мать цепко держала его под своим влиянием, даже не позволяла жениться. Для истинного наследника киевского престола любая боярская дочка выглядела неподходящей партией...

А по соседству лежала Польша. Там правил король Болеслав Храбрый, могущественный и крайне воинственный. Он покорил Чехию, громил немцев, литовцев, полабских славян – лужичан и лютичей. Лютичи и чехи объединились с германским императором Генрихом II, дали отпор. Тогда Болеслав обратился к св. Владимиру. Предложил союз против немцев и посватался его к дочери Предславе. Нет, русский государь отказался. Он не хотел вступать в совершенно ненужную войну, а дочку и просто пожалел – Болеслав был уже стариком. А по комплекции чрезвычайно толстым, он даже передвигался с трудом. Залезть в седло ему помогали слуги.

Зато воевать он готов был с кем угодно, без разницы! Отказом он оскорбился. Немедленно заключил мир с той же самой Германией, с которой только что дрался, и в 1013 г. полез на Русь. Однако богатыри у св. Владимира были крепкими, дружины спаянными и отлично обученными. Полякам сразу же крепко всыпали, и Болеслав в скором времени смекнул, что он, пожалуй, погорячился. Заюлил, предложил в переговоры. Св. Владимир был совсем не против прекратить драку: не он ее начал. Условились с соседом обставить мир

попрочнее, по-родственному, и свадьба все-таки состоялась. Но уже не короля и молоденькой княжны. Теперь Болеслав предложил выдать собственную дочку от первого брака за туровского князя Святополка. Договор подписали, молодых обвенчали. Как водится, попиrowали, попели, поплясали.

Хотя у Болеслава храбрость отнюдь не сочеталась с честностью и благородством. На самом деле, его ход был мастерски рассчитанной диверсией. О настроениях Святополка он отлично знал, жили-то рядом. К невесте прилагался духовник. Причем не простой, а королевский, колобжегский епископ Рейнберн. Когда отгремели торжества и гости разъехались, он от имени Болеслава выложил Святополку далеко идущие предложения. Не пора ли князю отделиться от ненавистного дяди? Перейти под руку любезного тестя? Разумеется, вместе с Туровским княжеством. Заодно и веру сменить, перекинуться под эгиду римского папы. В общем, выстрел был нацелен точно. Попал в «яблочко». Святополк загорелся.

Но ведь и Владимир Красно Солнышко находился у власти не первый день. Плохим он был бы государем, если бы не знал: в Турове очень и очень неладно. Плохим был бы государем, если б не присматривал через верных людей за Святополком и его окружением. Вызреть заговору он не позволил. Как только открылось, что «сын двух отцов» подговаривает ближних бояр изменить, Владимир рассудил, что его отцовские обязанности к приемышу исчерпаны. Дружинники на-

грянули внезапно и арестовали теплую компанию. Привезли в Киев, королевну устроили деликатно, при дворе. А Святополка с Рейнберном определили туда, где и положено находиться предателям, – в темницу. Епископ такого потрясения не перенес, в тюрьме скончался.

Казалось, спокойствие на Руси наладилось, ан нет... Подал голос Новгород. Город богатый, край обширный, и подать он платил немалую – 3000 гривен серебра в год. Треть шла на содержание местного князя и его дружины, две трети отправлялись в Киев. Новгородские бояре давно роптали, а надо ли платить? На ком стоит вся Русь, как не на новгородцах? Разве не Новгород призвал Рюрика, шел на Киев под знаменами Вещего Олега, возвел на киевский престол самого Владимира? И где же благодарность?

Правил здесь сын государя Ярослав, позже он получит прозвище Мудрого. Он был молодым, горячим. Возглавлял новгородцев в победоносной войне против шведов, женился на шведской принцессе Ингигерде. Местные бояре подзуживали князя. Столица и без того купается в роскоши, неужто сами не нашли бы, куда деньги девать? Храмы и дворцы отгрохали бы не хуже киевских! Ярославу их доводы показались резонными. В 1014 г. он отписал отцу, что дани присылать не будет.

Владимир рассердился. Пригрозил послушнику, что приведет его к порядку силой. Но нашла коса на камень. Гнев отца Ярослав расценил как незаслуженный, в свою очередь за-

велся. Да ему и стыдно было бы отступить – перед новгородцами, перед молодой супругой. Отрезал: не будем платить и все. Строптивость зашкалила через край, и св. Владимир велел собирать войско. Намеревался ли он сражаться против сына? Факты показывают, что нет. Он отлично знал, что кашу заварили новгородские бояре, жалевшие свои кошельки. Знал и другое: эти бояре тоже не захотят войны. Ведь при осаде могли погибнуть их дома, богатства, разорялись бы их села.

Они пытались лишь припугнуть, выторговать поблажки. Схватки с печенегамы научили киевлян мгновенно поднимать полки. Государь имел возможность выступить сразу же, по удобной зимней дороге. Но рать собиралась и толкалась в Киеве всю зиму и весну... Владимир давал Новгороду время одуматься. Бояре осознают, что он не уступит, закинут удочки для переговоров.

Но измена Святополка и выходка Ярослава заставили великого князя задуматься о другом... Сыновей у него было много, от разных матерей, разного воспитания. Но ведь формально старшим числился Святополк! Хотя в ту эпоху наследником становился не обязательно старший сын. В Германии преемника королей и императоров выбирал съезд князей, а в Византии и Болгарии монархи сами определяли преемников. Нередко греческие и немецкие императоры еще при жизни короновали наследников, назначали их соправителями, чтобы передача власти прошла без потрясе-

ний.

Владимир решил поступить аналогично. Он вызвал к себе сына от жены-болгарки, Бориса, правившего в далеком Ростове. Именно ему великий князь намечал оставить престол. Пускай будет рядом, входит в хитросплетения киевской политики, приучается к государственным масштабам. А бояре, войско, другие сыновья пускай привыкают, что вот он, будущий правитель. Борис приехал радостный, одухотворенный. Соскучился по отцу, по родным, по красивым киевским храмам. Воевать с Ярославом Борис и подавно не был настроен, относился к нему с уважением. Да и вообще евангельское сознание Бориса не вмещало, что можно скрестить оружие с родным братом. Он же не враг Руси, не чужеземец!

За Ярослава заступалась перед отцом и дочка Предслава. Она дружила со старшим братом, переписывалась с ним. Мало ли с кем не бывает – погорячился, советники попутали. Великий князь размышлял, как лучше ликвидировать конфликт. Если войско выступит, новгородцы в любом случае пойдут на попятную. Тут-то Ярослав сам поймет, чего стоят их подзуживания. Да и миролюбивый Борис поможет усовестить брата. Можно будет пойти и на уступки новгородцам, но не сразу. Выждать, чтобы поклонились, повинились... Воплотить эти замыслы государь не успел.

Ход дальнейших событий показывает, что заговор стал сплетаться в самом Киеве. Основу его составило столичное боярство. В великой и могущественной державе, собранной

стараниями св. Владимира, оно тоже усиливалось, богатели. Наследственные угодья дополнялись наградами и новыми пожалованиями от государя. Но сильная централизованная власть, которую утверждал великий князь, стесняла и раздражала аристократов. Не лучше ли жить, как на Западе? Как польские паны или венгерские бароны? Бояре не забыли, как их отцы при слабеньком Ярополке заправляли всей страной. Сейчас в тюрьме сидел его сын...

Приезд св. Бориса и разговоры, что он будет провозглашен наследником, подстегнули изменников. Великий князь был еще совсем не стар, ему едва перевалило за пятьдесят. Здоровье у него было отменное, ни разу и нигде не упоминалось о его болезнях, он постоянно бывал в походах, на коне. А весной 1015 г. внезапно расхворался. Была ли вызвана его болезнь естественными причинами? В этом можно усомниться. Уж как-то все слишком «своевременно» сложилось.

Крамольникам было необходимо удалить из Киева собравшуюся армию, и поступило ложное донесение о нападении печенегов. Инспирировать его не составило труда: среди заговорщиков состоял главный воевода Владимира, Волчий Хвост. Государь поручил войско св. Борису – вот ему и первое поручение в роли «правой руки» отца. Подчеркнем: состояние великого князя в этот момент не вызывало никаких опасений. В противном случае разве сын оставил бы его? Но едва армия ушла, самочувствие св. Владимира резко ухуд-

шилось. 15 июля Креститель Руси предал душу Господу...

Заговорщики разыграли первый в истории киевский «майдан». Вывели толпы собственных слуг, овладели столицей. Из тюрьмы выпустили Святополка и посадили на престол. Законностью себя никто не утруждал, дело решали кулаки, ножи и луженые глотки. От киевлян волеизъявление св. Владимира скрыли, а от остальной страны скрыли даже факт его смерти. Святополк первым делом принялся раздавать казну, накопленную приемным отцом, расплачивался со сторонниками, вербовал новых. Св. Борис бесцельно проблуждал по степям и возвращался назад. Неожиданно узнал о перевороте, предатели-воеводы увели от него полки, а Святополк Окаянный прислал убийц. Он решил избавиться от всех сводных братьев. Другой отряд настиг и прикончил Святослава Древлянского, пытавшегося скрыться за границей. Св. Глеба выманили из Муром. Сообщили не о смерти, а о болезни отца. Когда он помчался в Киев, убийцы поджидали на дороге.

Но Ярославу Мудрому сестра Предслава сумела переслать письмо о том, что произошло в столице. А исход противостояния очередной раз решили не бояре, не знать. Решила позиция русского простонародья. Оно еще не знало обо всех деталях злодеяний, но душой почувствовало, на чьей стороне правда. Новгородцы в это время как раз разругались с Ярославом, восстали против него. Однако услышали о перевороте и решили отбросить прежние счеты. Собирали деньги,

вооружались. А Святополк Окаянный был все-таки неглупым человеком. Он отдавал себе отчет: народ не на его стороне. Наступать на Новгород он даже не пытался. Для обороны заключил союз извечными врагами Руси, с печенегам. Св. Владимир воевал с ними четверть века, и замириться никак не удавалось. Зато у узурпатора затруднений не возникло. Приходите, друзья дорогие!

Обе стороны сошлись поздней осенью 1016 г. на Днепре у Любеча. Холодная река разделяла противников. Киевлян было значительно больше, и к тому же у них были профессиональные воины – дружины столичных бояр, печенег. Ярослав привел вооруженных простолюдинов. Над ними насмехались, воевода Волчий Хвост ездил по берегу и орал: «Эй вы, плотники, зачем пришли сюда со своим хромым князем?». Но многие киевские дружинники сочувствовали Ярославу, пересылались и подсказывали, куда лучше ударить. А Святополк силился возбудить симпатии воинов к себе, подогреть боевой пыл иными средствами. Крепко поил их каждый вечер.

Новгородцы постановили: любого трусившего считать изменником и убивать. Переправились ночью и оттолкнули лодки, сами себе отрезая путь к отступлению. Обвязали головы платками, чтобы различить в темноте своих, и навалились на пьяный стан. Засверкали топоры и мечи. Разгром был полным... Святополк в панике удрал в Польшу, бросил жену в Киеве. А столица, лишившись такого князя, даже не

думала сопротивляться. Ярослав вступил в Киев. Организовал поиск и захоронение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Хотя борьба отнюдь не завершилась. Святополк прискакал к Болеславу Храброму, просил подсобить. Расплатился щедро. Подмахнул договор, отдававший Польше Червонную Русь. То есть Прикарпатье. Там были месторождения соли. В средние века – продукт очень дорогой, без соли нельзя было приготовить впрок мясо, сало, рыбу. Поэтому Прикарпатье очень интересовало и короля, и его финансистов, польских евреев. Правда, поначалу Болеслав не мог помочь зятю. Он был занят очередной войной с германским императором. А тот оценил ситуацию, направил посольство к Ярославу Мудрому, заключил с ним союз. Но реализовать его не успели и не сумели. Поляки навалились на немцев, разбили их вдребезги. Император принял все условия, которые ему продиктовали. Не только отдал несколько областей, но и отрекся от дружбы с русскими. Наоборот, выделил отряд германских рыцарей для похода на Киев.

Кроме немцев, Болеслав позвал венгров, а Святополк пригласил печенегов. В 1018 г. огромная рать хлынула на восток. В Киеве тоже действовали сторонники сбежавшего князя. Кто-то устроил поджог, причем целенаправленный, фортификационных сооружений. Сильнейший пожар уничтожил часть стен и башен. А для Ярослава столь массированное вторжение стало неожиданным. Он спешно

собрал ратников, встретил врага на берегах Буга. Но Болеслав был опытейшим воином, он схитрил. Встал лагерем, начал строить мост. Ярослав счел, что пока все идет отлично, он выигрывал время, к нему успеют подтянуться отряды из отдаленных городов. А русские витязи видели: пока строительство не завершено, можно расслабиться. Но река на летней жаре обмелела, король велел скрытно промерить глубину. Выбрав подходящий момент, ринулся вброд.

Наши воины даже не успели изготавиться. Лавина врагов расшвыряла их. Ярослава спасли прикрывшие его дружинники и быстрота коня. Но на верность столичного боярства ему рассчитывать не приходилось, он помчался на север. Добрался до Новгорода лишь с четырьмя спутниками. Он был разбит не только физически, но и морально. Была ли у него надежда одолеть объединенные силы Святополка, поляков, печенегов? Казалось, что остается лишь эмигрировать. Он велел готовить ладьи, плыть к родственникам жены, шведам. Но вздыбились новгородцы. Ладьи они демонстративно изрубили и объявили: «Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны – возьми все, что имеем». Ввели дополнительный налог, снаряжали ратников.

А Южная Русь очутилась во власти победителей. Города, видя бесчисленные полчища и не надеясь на подмогу, сдавались. Лишь один оказал сопротивление, его взяли приступом, всех жителей от мала до велика Болеслав продал в рабство. В Киеве сгоревшие стены еще не восстановили, а бо-

яре изменили. Убеждали население, что пришли «освободители». 14 августа городская верхушка торжественно встретила Болеслава и Святополка, принесла присягу братоубийце. Начались репрессии. Хватали противников Святополка и тех, кто выдвинулся при Ярославе, казнили, обращали в неволю. В руках захватчиков оказались и сестры Ярослава, Предслава и Доброгнева. Раскрылась история, как Предслава помогала брату, и Болеслав придумал для нее особую кару. Сделал своей наложницей. Недавно св. Владимир отказал королю в сватовстве, теперь княжну силой уложили под королевскую тушу.

Но... Святополк и его сторонники получили совсем не то, чего хотели. Потому что Болеславу очень понравилась богатая и красивая русская столица. Куда лучше, чем польские городишки и сырые, прокопченные факелами замки. Имело ли смысл довольствоваться Прикарпатьем? В его распоряжение попало куда больше. На словах король признавал зятя «законным» князем, но на деле перестал с ним считаться. Уходить он теперь не собирался. Попросту оккупировал Киев и окрестные города, развернув откровенный грабеж. Обчищал казну, храмы.

Рядовые поляки вели себя аналогично. Они же были победителями! По дворам трещали взламываемые сундуки и двери кладовых, визжали убиваемые свиньи, мычали коровы, кудахтали куры. Насиловали девок и молодых. Против меча не попрешь! Но мечами запугивали днем, а ночью по-

ляки засыпали, и русичи взялись за ножи. На улицах обнаружили трупы. Кто, как? А никто не знает. От ночи к ночи убитых становились все больше. Поляков очень радушно принимали киевские евреи, купали у них награбленную добычу и русских рабов. Но и на евреев нашла напасть, их дома начали поджигать.

А Святополку вообще с двух сторон припекло. С одной – король, перехвативший у него власть. С другой – нарастающая русская ярость. Князю показалось, что он придумал выход. Шепнул приближенным, пускай распускают слухи, будто он сам борется против поляков. Но приближенные у него были под стать господину, сразу заложили Болеславу. Тот возмутился столь черной неблагодарностью. А польское войско таяло, и король счел за лучшее все-таки распрощаться с Киевом.

Из города выполз огромный обоз. Увозили такие богатства, каких в Польше отродясь не видели. Болеслав уводил пленных, забрал с собой двух княжон: юную Доброгневу, самую младшую из дочерей св. Владимира, и растоптанную Предславу. Но и столичные изменники сообразили, что дела у Святополка совсем тухлые. Некоторые надеялись выкрутиться перед Ярославом. А те, у кого рыло было совсем запачкано, присоединились к королю, уезжали с семьями, возами барахла навсегда. От Руси поляки отчленили те районы, которые надеялись удержать – Прикарпатье и Волынь. Болеслав наметил границу по Бугу, разместив гарнизоны за-

паднее этой реки.

Что же касается Святополка Окаянного, то теперь он остался совсем без опоры. Его попыткам примазаться к партизанской войне киевляне не поверили. Проклинали князя, притащившего на их головы вражескую орду. Когда на юг выступил Ярослав с новгородцами, сражаться за Святополка не пожелал никто. Он бросил Киев и скрылся. Ярослав вошел в город без боя, и его встречали с искренней радостью.

Хотя его соперник все еще не угомонился. Он снова гнал коней к врагам Руси – на этот раз к печенегам. У него больше не было ни денег, ни ценностей, но он мог расплатиться подданными! Степняки получают право набрать сколько угодно русских невольников! Агитировал Святополк хорошо, в поход поднялись все орды. Известия об угрожающем движении в степи поступили в пограничные крепости, донесли в Киев. Ярослав успел собрать большое войско, встал на р. Альте. На том же самом месте, где убийцы настигли св. Бориса.

Степь почернела от выплеснувшейся конницы. летописцы отмечали, что массы неприятелей надвинулись, как сплошной дремучий лес, такого количества печенегов русичи еще ни разу не видели. Но против них стояли плечом к плечу новгородцы, киевляне, белгородцы, переяславцы, черниговцы, смоляне. Сейчас они стояли не для драки за власть, а закрыли собою Русь. А Ярослав напомнил и о том, что именно с этого места началась цепочка подлости и злодеяний. Воззвал: «Кровь невинного брата моего вопиет ко Все-

вышнему».

Рати столкнулись так, что содрогнулась земля. Стрелы затеняли солнце, как тучки, и выпадали стальными дождями. Хрустели копья и кости, противники секлись мечами, схватывались в смертельных объятиях и душили друг друга. Трижды битва выдыхалась сама собой. Измученные противники расходились или падали без сил. Но, переведя дыхание, похлебав нагретой на солнце воды, схватывались снова. Лишь к вечеру печенег дрогнули, начали пятиться – и сложились, покатались прочь...

Святополк с несколькими слугами ускользнул на запад. От перенесенных стрессов его парализовало, он не мог сидеть на коне. Его привезли к Бресту – городу его прежнего княжества. Но князь был уже не в себе. Ему чудилась погоня, мерещилось, что его настигают. Он в ужасе озирался, запрещал останавливаться, приказывал ехать дальше. Но куда? К Болеславу было уже нельзя, тесть отличался злопамятностью. Да и вообще, кому он был нужен, проигравший и ни на что больше не годный князек? Двинулись в сторону Чехии глухими лесными дорогами. Где-то по пути Святополк Окаянный скончался.

Сестру Доброгневу Ярослав Мудрый сумел вызволить. Обменял на вдову Святополка, дочь польского короля. Судьба Предславы неизвестна. То ли она сгинула на чужбине, то ли вернулась вместе с Доброгневой, но отреклась от мира и удалилась в монастырь.

Клубок второй

Зигзаги Изяслава Ярославича

Наверное, стоит сделать уточнение. В прошлой главе мы выделили личность Святополка Окаянного, но ведь он никогда не достиг бы таких успехов в «окаянстве», если бы его не выдвигала и не подпирала мощная пятая колонна, киевская знать. Разумеется, особой любви к Святополку они не испытывали, их интересовали лишь собственные выгоды. Но когда на трон взошел Ярослав Мудрый, боярской касте пришлось умерить свои аппетиты. Великий князь не зря носил свое прозвище. Он по примеру отца укреплял централизованную власть. Во главу угла Ярослав ставил национальные интересы и проводил строго национальную политику. Невзирая на противодействие Византии, добился поставления русского митрополита Илариона. С крамольниками не церемонился, отправлял в ссылки и тюрьмы, после неоднократных предупреждений посадил даже брата, Судислава Псковского.

Держава расширялась, расцветал Киев. Возрастал и авторитет Руси на международной арене. Породниться с великим князем считали честью короли Франции, Норвегии, Дании, германские князья и сам византийский император. А недавнюю соперницу, Польшу, после смерти Болеслава

Храброго разодрали смуты. Теперь уже не поляки силились сажать своих ставленников на русский престол. Наоборот, наши войска гуляли по Польше и возводили своих кандидатов на ее трон. Возвратили угнанных в плен киевлян, награбленные ценности. Очередной польский король Казимир был несказанно рад, что Ярослав согласился поддержать его. За это возвратил захваченное Прикарпатье, союз скрепили двойным браком. Король женился на сестре Ярослава, а свою сестру Гертруду выдал за сына великого князя Изяслава.

Наследником Мудрого должен был стать его старший сын, Владимир. Но он умер раньше отца. Остальные же дети оказались очень не похожими друг на друга. Изяслав вырос слабовольным, бесхарактерным. Святослав был его противоположностью – широкая натура русского богатыря, умел и повоевать, и от души попить. Всеволод – взвешенный, рассудительный, начитанный, но мягкий, миролюбивый. Он был любимцем отца, последние годы постоянно находился рядом с ним. Вячеслав и Игорь были еще юными, на самостоятельную роль пока не годились.

Можно было передать трон Святославу или Всеволоду, минуя Изяслава, но Ярослав Мудрый опасался ссор и усобиц. А ведь все были родными, он каждого помнил ребенком, держал на руках, радовался первым шагам. Он решил никого не обижать, придумал систему лестницы, то есть лестницы. Установил иерархию городов – Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир-Волынский. Русь остает-

ся общим владением Ярославичей, они получают города по старшинству. Киевский князь – великий, ему подчиняются младшие, но важнейшие вопросы решают сообща. Умрет Киевский великий князь – его заменяет черниговский, и остальные князья сдвигаются по «лестнице» на более высокие престолы. Когда умрут все братья, таким же образом правят их дети. Сперва Киев достается сыновьям старшего, за ними идут сыновья второго по рангу, потом третьего... Кстати, наши с вами края, северная Русь, вообще считалась второстепенными. Земли по Оке, Рязань и Муром, добавили к Чернигову, а Курск, Ростов и Суздаль стали «довеском» к Переяславлю.

В 1054 г. Ярослав Мудрый отошел в мир иной, великим князем стал Изяслав. Вот тут-то оживились столичные бояре. Они получили как раз такого государя, о котором мечтали! Этот не прижмет, не будет держать в узде. Изяславом вертела его жена, полька Гертруда, а с ней бояре довольно легко нашли общий язык. Она мечтала о блеске, старалась обеспечить будущее собственных детей. Столичные вельможи выражали полную готовность подыгрывать ей, стали лучшими друзьями. Изяслава тесно обсели тысяцкий Коснячко, Перенит, Никифор, Чудин, вместе с Гертрудой принялись регулировать великого князя.

Тут как тут очутились евреи. Выделяли деньги на пышное строительство дворцов, на любые прихоти. Проторили дорожку к Гертруде, подмазались к ней подарками. А за ссуды

великий князь расплачивался подрядами, льготами, привилегиями. Отдуться приходилось простонародью. Увеличивались подати. Облагали так, чтобы хватило всем – в казну, боярам, евреям, чиновникам. Вельможи из окружения Изяслава прибирали к рукам села, деревеньки. Крестьяне, еще вчера вольные, вдруг оказывались боярскими.

Подсустились и греки: после смерти митрополита Илариона заплели интриги, и Изяслав порушил начинания Ярослава по созданию национальной церкви. Снова позвал византийцев. Это вызвало конфликт вокруг Киево-Печерского монастыря. Теперь именно он стал вторым русским церковным центром в противовес византийской митрополии. К тому же преподобный Антоний Печерский смело обличал беззакония и злоупотребления властей. Преподобный Феодосий Печерский вступал в споры о вере с иудеями, и доходило до того, что ему грозили смертью (в православной стране!).

А великий князь Изяслав по наветам своих приближенных и евреев додумался до того, чтобы вообще разогнать монастырь. Что ж, монахи взяли иконы и зашагали в Чернигов, во владения Святослава. Ужаснулись не вельможи, не бояре. Ужаснулась Гертруда. Она вспомнила, что в Польше смута началась как раз с гонений на православных монахов. Надавила на мужа, напугала его. Тот переполошился, послал гонцов догонять монахов и извиняться. Отношение к Печерскому монастырю резко изменил, принялся задабривать оби-

тель. Делал крупные вклады, сам принялся регулярно туда ездить. Особенно тронули его беседы с преподобным Феодосием. Изяслав умилялся и каялся, вместе с преподобным молился, садился за скудную монастырскую трапезу...

Но система лестницы начала давать сбои. Сперва умерли младшие братья Ярославичи, Вячеслав и Игорь. А Изяславу с Гертрудой, конечно же, хотелось расширить собственный удел, обеспечить своих детей. При поддержке греческого духовенства и бояр закон о наследовании был подтасован. Не по духу, а по формальным признакам. Было установлено: если князь не занимал киевского стола, то его дети становятся изгоями. Они выбывают из лестницы, лишаются права наследования. «Ступенечки» власти их больше не касаются. Они могут получить уделы только от полноправных родственников, если будут служить им в качестве вассалов. Для Изяслава поправка в законах стала очень выгодной. Владения покойных братьев, Смоленск и Волынь, перешли к нему как выморочные.

Но подрастающие изгои, ясное дело, остались недовольны. Начались междоусобные конфликты. К ним добавились и другие войны. А в Полоцке правил троюродный брат Ярославичей, Всеслав. Он почувствовал, что Русь явно ослабевает, и принялся откровенно разбойничать. Напал и пограбил Новгород, окрестности Пскова. Правда, Ярославичи выступили на него вместе. Несколько раз громили его, разоряли его города, и Всеслав запросил мириться. Однако совет-

ники подсказали Изяславу, благоразумно ли отпускать его? Опять же Полоцкое княжество будет не лишним.

Великий князь согласился на переговоры с противником. Целовал крест, что не причинит ему зла. Но когда Всеслав приехал, клятва была нарушена. Его схватили и бросили в киевскую тюрьму. Преподобный Антоний Печерский обличал, что совершен великий грех, предрекал кару. А между тем прокатившиеся войны усугубили напряжение в Киеве. Государь и его вельможи постарались переложить все издержки на простой народ. А захваченные трофеи придворная верхушка поделила между собой. Рядовым не досталось ничего. Семьи раненых и убитых не получили никаких компенсаций, и киевляне зароптали.

Но в это же время произошла грандиозная передвижка в южных степях. Печенегов разбили половцы. Прежние хозяева степных пастбищ отступали, перетекали на Балканы. А возле русских границ появились новые соседи, многочисленные, энергичные, агрессивные. В 1068 г. они впервые нахлынули на наши земли. Братья Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский привели дружины к великому князю. Поскакали побыстрее, без пехоты. Но масса половцев опрокинула их отряды и обратила в бегство. Степняки принялись разорять окрестности Киева, жгли деревни. Народ забурлил на улицах. Требовал выдать оружие, чтобы прогнать врага. Но... бояре боялись вооружать людей. Знали, насколько они озлоблены против городской верхушки. Как бы не поверну-

ли копья и мечи против обидчиков!

Киевляне поняли, почему не созывают ополчение, и это стало последней каплей. Город восстал. Кричали: зачем нужен такой князь? Кто-то вспомнил, что имеется другой князь, Всеслав – сидит в тюрьме. Его пленили обманом, это придало ему ореол невинной жертвы. Толпа бездумно ринулась освобождать Всеслава, Изяслав успел удрать из Киева.

Кстати, в это же время второй брат, Святослав, повел себя иначе. Он-то с жителями Чернигова не конфликтовал. Вооружил горожан, вывел в поле 3 тыс. ратников, пехота ошестинилась копьями. Отбросила орду из 12 тыс. половцев, отеснила в реку и потопила. В результате положение установилось своеобразное. В Чернигове оставался править Святослав, в Переяславле Всеволод, а в Киеве теперь сидел полоцкий самозванец! Однако братья отлично знали, что в мятеже виноват сам Изяслав. Поэтому подавлять его даже не пытались. Сам напакостил, сам и разгребай.

Ну а Изяслав отправился вовсе не к младшим братьям. Он поехал в Польшу. К своему племяннику и брату жены Болеславу II Смелому. Молил выручить, вернуть на трон. Хотя поляки никогда бесплатно не помогали. Однако Изяслава это ничуть не смутило. Он предложил такую же плату, как когда-то Святополк Окаянный – богатое Прикарпатье с соляными копами, железными и свинцовыми рудниками. При подобном раскладе вопрос решился мгновенно, и польская армия выступила на Киев.

Причем князюшка, выбранный киевлянами, оказался настолько же ненадежным, как большинство выборных властителей. Образ защитника простонародья выдумали те, кто сажал его на престол. Теперь эти сказки лопнули, как мыльный пузырь. Рисковать ради повстанцев Всеславу было абсолютно незачем. Вывел киевское ополчение в поле, а ночью сбежал от поденных, ускакал к себе в Полоцк. Только тогда мятежники отрезвели. Взыли, спохватились каяться. Послали делегации к Святославу и Всеволоду. Просили заступиться, чтобы Изяслав не отомстил. Что ж, братья не отказались выступить посредниками. Заключили компромиссный договор: Киев покоряется без боя великому князю, но и он простит горожан. На престол он вернется только со своей дружиной, а чужеземцев удалит. Обе стороны приняли этот вариант, целовали крест.

Но Изяслав опять солгал. В Киев пустил впереди себя сына Мстислава, который никаких клятв не давал. Он казнил 70 предводителей восстания, многих ослепил и побросал в тюрьмы. А без поляков великий князь чувствовал себя слишком неуверенно, вступил в город с полками Болеслава. Договаривался, чтобы тот не уходил, обещал взять на содержание его войско. Хотя повторилась такая же история, как полвека назад, у Святополка Окаянного и прадеда нынешнего польского короля. Оккупанты грабили и насильничали, а русские взялись их резать по ночам. Болеслав обиделся, поругался с Изяславом. Понимание ситуации у них оказа-

лось разное. Великий князь полагал, что чужеземцы должны обеспечивать его безопасность, а Болеслав возмущался, почему Изяслав не обеспечивает безопасность его громил. Собрал тех, кого еще не зарезали, и увел на родину.

Тут уж задергался великий князь. Киевлян он снова озлобил, да и братья были не в восторге от случившегося. Изяслав начал выкручиваться. Заюлил перед братьями, решил купить их поддержку. Ради этого уступил изрядную часть своих владений – Новгород, Смоленск. Но ведь и убытков терпеть не хотелось! Вместо утраченных областей великий князь задумал прихватить для своих детишек Полоцк. Поставил братьям условие – возобновить войну против сбежавшего Всеслава. Дескать, он источник всех бед и смут.

В 1069 г. войско во второй раз выступило в Белоруссию. Осадило и взяло Полоцк, его великий князь отдал сыну Мстиславу. Однако намеченные комбинации очень быстро поехали наперекосяк. Мстислав уже показал свой нрав расправами в Киеве. Аналогично повел себя и в Полоцке. Он быстро умер при неясных обстоятельствах, и великий князь отдал княжество второму сыну, Святополку. Хотя второй был не лучше старшего. Жестокий, жадный, похотливый. Для таких князей и их дружинников Полоцкое княжество было лишь добычей. Вели себя как интервенты, грабили, притесняли жителей, тащили на забаву женщин. Но партизанская война в Белоруссии была еще опаснее, чем в Киеве. Всеслава поймать никто не мог, он после каждого по-

ражения скрывался, а народ поднимался против захватчиков. Из чащобы летели стрелы, нападали неуловимые отряды. Киевляне безнадежно завязли.

А на западе обозначился еще один фронт. Польский Болеслав напомнил о договоре – отдать Прикарпатье. Выполнить обещания Изяслав никак не мог. Что сказали бы подданные и братья, если бы он начал разбазаривать русские земли? Он увильнул от исполнения обязательств, и Болеслав начал войну. Изяслав выступил против него лично, но был позорно разбит. Поляки сожгли Брест, силой захватили города Червонной Руси. Снова пришлось обращаться к родственникам, войну против Болеслава возглавил племянник, Владимир Мономах – он среди Рюриковичей зарекомендовал себя лучшим полководцем, отобрал у врага утраченные владения.

Ну а всеми этими неурядицами, в свою очередь, пользовались половцы. Киевские дружины погибали в Белоруссии, а степняки совсем разгулялись и опустошали окрестности Киева. Но и Белоруссия была потеряна, оттуда пришлось уйти. В народе закипало возмущение. Поговаривали, не прогнать ли Изяслава? Не заменить ли его Святославом Черниговским? Он-то защищает подданных от внешних врагов, не позволяет хищничать ни приближенным, ни евреям. Крестьяне, горожане, воины, монахи, стали уходить из Киева в Чернигов.

Но подтолкнул события сам Изяслав. Теперь он завидо-

вал братьям, злился на них. А если не удалось овладеть Полоцким княжеством, то государь придумал головоломный поворот: в 1073 г. вступил в переговоры с вчерашним врагом, Всеславом Полоцким. Предлагал заключить союз против собственных братьев, Святослава и Всеволода, а в случае победы сулил отдать Смоленск.

Да не тут-то было. От Изяслава уже отшатнулись собственные бояре. Они-то чувствовали, что ситуация в Киеве грозит новым восстанием. Недавно чернь громила их дворы, повторять не хотелось. Чтобы предотвратить взрыв, они задумали пригласить популярного Святослава, а переговорами с Полоцком великий князь сам подставился. Бояре сразу донесли об этом в Чернигов. Святослава предательство возмутило глубочайшим образом. Он позвал из Переяславля Всеволода, предъявил факты: вот, мол, полюбуйся. Сколько уже бед и глупостей натворил Изяслав, мы с тобой терпели, как-то сглаживали. Ну и дождались благодарности, он на нас злоумышляет.

На сборы братьям много времени не понадобилось, они подняли полки и повели к Киеву. Великий князь в панике запер ворота, но Святослав и Всеволод не собирались штурмовать город. Встали рядом и объявили старшему: он лишается великого княжения и может убраться куда хочет. А столичные жители уже забурлили, вооружались, кричали за Святослава. Видя, что деваться некуда, Изяслав сдался. Его не торопили. Он несколько дней грузил обоз, казну, богат-

ства и покати́л по наезженной дорожке к западной границе. Опять сунулся в Польшу к Болеславу II. Но король помнил, как Изяслав обманул его с прикарпатскими городами. В компенсацию за прошлые расходы отобрал большую часть казны великого князя и выгнал его вон.

От поляков Изяслав отправился к германскому императору Генриху IV. С поклоном вручил то, что уберег от поляков – золотые и серебряные сосуды, деньги. А для большего веса добавил родную страну. Пообещал признать себя вассалом Германии, платить дань, если поможет сесть на престоле. Идти на Русь для Генриха было никак не с руки, на пути лежали Польша, Венгрия. Император решил хотя бы попугать русских. В Киев явились немецкие послы, требовали вернуть трон Изяславу, страдая войной. Но Святослава их демарши, разумеется, не впечатлили. Как, интересно, Генрих думает воевать? Издалека мечом махать? Великий князь радушно угостил послов, выделил щедрые подарки и отправил домой. Делегаты доложили императору, что с таким могущественным государем враждовать не стоит, и в целом немцы остались довольны. От одного князя что-то получили, от другого получили, а на большее рассчитывать не приходилось.

Тогда Изяслав и его супруга послали сына Ярополка в Рим. Он от имени отца целовал туфлю у папы Григория VII, отдавал Русь под его верховную власть, выражал готовность сменить веру на католическую. Нетрудно понять, что папа был в полнейшем восторге. Эдакая держава сама шла к нему

в руки! Ярополк принес присягу ему на верность, и в 1075 г. Григорий направил к Изяславу посольство, «утвердил» его на киевском княжении как своего вассала. Отписал в Польшу. Указывал Болеславу, что грабить изгнанников нехорошо, приказывал помочь. Правда, сперва Болеславу было совсем не до папских пожеланий. Его лупили в хвост и в гриву немцы и чехи! Он воззвал о спасении как раз в Киев. Молил, чтобы Святослав его выручил. Подписали договор, Польша отказалась от поддержки Изяслава, ей на помощь двинулась армия Мономаха, раскидала чехов.

Святослав вообще проявил себя неплохим властителем. Вразумил половцев, Русь обрела долгожданный мир. Великий князь начал предпринимать меры по восстановлению справедливости. Народ полюбил его. Только Печерский монастырь не поступился строгой принципиальностью. Его игумен, преподобный Феодосий, обличал, что Святослав занял трон незаконно, нарушил братскую любовь. На литургиях по-прежнему поминал великим князем Изяслава, а новому властителю повторял: «Уступи престол старшему брату». Но Святослав умел уважать смелых и честных людей. Он стал приезжать к св. Феодосию, приглашать к себе во дворец.

Монахи давно уже задумывали вместо ветхого деревянного храма поставить большой, каменный. Святослав указал лучшее место для храма, выделил деньги на строительство. Мало того, сам взял лопату, копал канаву под фундамент. Преподобный Феодосий смягчался, начал поминать

на службах Святослава, хотя и вторым, после Изяслава. Но из-за границы пришли потрясающие новости: Изяслав изменил православию и Руси! В 1074 г., лежа на смертном одре, св. Феодосий благословил Святослава и его сына Глеба. Но правление Святослава оказалось коротким. У него обнаружилась опухоль, и во время операции государь умер. И тогда-то польский Болеслав сразу забыл, как Святослав спасал его, выделил армию для Изяслава. Пускай Русь ослабеет в усобицах! А он выполнит папскую волю, да и украденную казну можно не возвращать! Изгнанник будет без того благодарен.

В это время на Руси великое княжение принял третий брат, Всеволод. Он вывел войско и встретил Изяслава у р. Горынь. Но спокойный и мягкий Всеволод был совсем не настроен драться с братом. Пригласил съехаться один на один и предложил: а чего нам делить-то? Обоим уже не так долго осталось жить, и перерезать друг друга на старости лет? Отправляй назад своих наемников, возвращайся в Киев и будь по-прежнему государем. Обнялись, плакали, клялись забыть прошлое.

Изяслав утвердился в Киеве, Всеволоду предоставил второй по рангу Чернигов. О своем обещании перейти в католицизм и подчинить Русь папе Римскому великий князь благоразумно не вспоминал. Но примирился он отнюдь не со всеми родственниками. Обидевший его Святослав умер, зато оставались его сыновья. Глеб правил в Новгороде, Олег –

на Волыни, Роман – в Тмутаракани. Как пригодились бы эти уделы для самого Изяслава и его детей! Придворные крючкотворы покумекали и подтасовали к ним закон об изгоях. Если Святослав занимал киевский престол не по праву, то он его как бы вообще не занимал! Не был великим князем. Значит, его дети выбывают из лестницы, лишаются уделов.

Новгород Изяслав передал своему отпрыску Святополку. Глеб не стал дожидаться, пока его выгонят, ушел с экспедицией новгородцев на север и погиб в стычке с чудью. Хотя поговаривали, что его погубил Святополк, послал вдогон своих людей. Давид, серенький и робкий, согласился прислуживать великому князю. У Олега отобрали Волынь. Но Роман в далекой Тмутаракани отказался повиноваться. К нему сбежал Олег, перебрался еще один князь-изгой, буйный Борис Вячеславович. Они тайно заслали гонцов в Чернигов, горожане до сих пор глубоко чтили Святослава, сочувствовали его сыновьям.

Кроме того, изгой наняли половцев. В 1078 г. русские князья Олег и Борис впервые сами навели на Русь «поганных». Князь Всеволод приказал собирать воинов, но черниговцы изменили ему. Он сумел вывести на бой лишь собственную дружину. Лавина неприятелей захлестнула ее. Большинство бояр и воинов полегли в рубке. Всеволод вырвался с небольшим отрядом, ускакал в Киев. Изяслав встретил его тепло и дружески. Обласкал, утешил, что не бросит в беде: «Если нам княжить в Русской земле, то обоим, если

быть изгнанными, то вместе. Я положу за тебя свою голову».

Между тем орды половцев растеклись по земле, разоряли ее, набирали пленных и добычу. Изяслав мобилизовал киевлян и волынян. Владимир Мономах поднял на помощь отцу и дяде суздальцев и смолян. Их рати соединились под Переяславлем. Пошли к Чернигову, разгоняя половцев. Но и Олег с Борисом собрали массы степняков, привели отряды тмутараканской вольницы. Построились к битве. Изяслав и Всеволод уступили общее командование лучшему военачальнику, Мономаху. У изгоев командовал Борис. О переговорах он даже слышать не желал: разобьем великого князя, и вся Русь будет наша! Азартно скомандовал атаку.

Отборные киевские, смоленские, суздальские дружины смели противника одним таранным ударом. Борис скакал впереди своего воинства и погиб первым, нанизанный на копья и втоптанный в пыль сотнями копыт. Половцы и тмутараканцы покатались прочь. А престарелый Изяслав оставался со вторым эшелоном, с пехотой. Строил ее, ободрял, сам встал вместе с простыми ратниками. Пехота не понадобилась, конница обошлась без нее. Но один вражеский всадник, оторвавшийся от своих и ошалевший, выскочил откуда-то сбоку и сразил Изяслава копьем. Что ж, великий князь Изяслав Ярославич натворил в жизни немало ошибок и пакостей. Однако напоследок как будто старался искупить все плохое. Вступился за брата. Спасал подданных, очистив страну от нашествия степняков. Получил смертельную рану

в строю рядовых ратников. В общем, Господь даровал ему неплохой финал. Но у Изяслава остались детишки...

Клубок третий

Семейка Изяславичей

Изяслав погиб, и престол великого князя унаследовал его брат, Всеволод Ярославич. Следующими в «очереди», по закону Ярослава Мудрого, должны были идти дети Изяслава – Святополк и Ярополк. А уже после них – сын Всеволода, Владимир Мономах. Что ж, новый государь не обижал племянников. Сохранил за ними те же самые богатые уделы, которые дал им отец. За Святополком – Новгород. За Ярополком – весь запад Руси, Волынское и Туровское княжества.

А время выдалось напряженное. На Русь то и дело налетали половцы. Очень агрессивно вели себя князья-изгои, оставшиеся без уделов, откровенно разбойничали. Роман и Олег Святославичи угнездились в Тмутаракани. Давыд Игоревич грабил купцов на Днепре. Братья Ростиславичи – Рюрик, Володарь и Василько – попытались отобрать удел у Ярополка, захватили его стольный град Владимир-Волынский. Но великий князь защитил племянника, послал войско Мономаха, и тот выгнал авантюристов.

Всеволод был мудрым правителем. Он решил ликвидировать причину конфликтов – дать изгоям уделы, и они успокоятся. Рюрику, Володарю и Васильку выделил Прикарпатье. Давыд Игоревич получил Дорогобуж. Только Роман и Олег

Святославичи не смирились, снова повели половцев на Русь. Однако великий князь приплатил ханам, они повернули назад. Изгои возмутились, протестовали, хотели все-таки воевать. Но они уже надоели половцам и иудейским купцам в Тмутаракани. Набрали долгов, а не возвращали, добычи не привозили. Зато торговлю с Русью перекрыли. Купцы отстегнули тем же половцам, степняки убили Романа, а Олега выдали в Византию. Правивший там император Никифор Востаниат очень нуждался в дружбе с Киевом, поэтому отправил смутьяна в ссылку.

Ну а великий князь Всеволод пользовался затруднениями греков. Во второй раз он сумел добиться поставления русского митрополита Ефрема. А половцев несколько раз прочил Мономах, заставил замириться. Это был великолепный командир, человек чести и глубочайшей веры. Он выступал правой рукой отца, ближайшим помощником.

Изяславичи были другого поля ягодой. Новгород от правления Святополка оказался совсем не в восторге. Современники называли его «бык яр и лют». Жестокий, скупой, беспринципный. Доблестью не отличался, зато всячески умножал свои личные достатки. Его отец благоволил к иудеям, Святополк завел с ними совсем тесную дружбу. Торговал через них, ссужал в рост деньги. Несмотря на зрелый возраст, он оставался неженатым. Еврейские друзья подсунули ему свою красивую соплеменницу. Князь держал ее как супругу, двоих сыновей от нее воспитывал как законных кня-

жичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.